

Шахтёры обедали прямо на пустыре перед пластиковыми навесами. Вокруг неторопливо прохаживались вооружённые надзиратели.

Рабочие сбивались в небольшие кучки: кто сидел на корточках, кто стоял, изредка переговариваясь вполголоса. Но едва в разгар трапезы на площадке появился мужчина в безупречном костюме, гул моментально стих. Густая тишина накрыла пустырь.

Лю Чжиян подошёл к огромному котлу. В нём бурлила жидкая рисовая похлёбка — до того водянистая, будто жменя крупы просто плавала в кипятке.

Повариха, едва завидя Лю Чжияна, сникла: добром это не кончится. А когда Саньгоу шепнул ей, что перед ней новый советник, и вовсе лишилась дара речи.

— С-с-советник... — заикалась она, вытаращив глаза. — Что же вы... не предупредили-то...

— Налей-ка советнику каши, — с наигранной почтительностью вмешался Гань Чуань. — Пусть господин оценит, какими помоями нас тут кормит администрация.

Шахтёры замерли, боясь даже выдохнуть.

Кухарка дрожащими руками сжала половник и принялась бережно, будто сокровища со дна вылавливая, грести крупички риса. Кое-как наскребя пару ложек гущи, она вытерла фартук и протянула миску Лю Чжияну.

Лю Чжиян миску не взял. Скрестив руки на груди, он лишь выразительно посмотрел на Гань Чуаня.

Ещё недавно Лю Чжияну приходилось суетиться вокруг него и подавать чай, но сегодня роли поменялись.

— Ох, и правда, куда это я! Разве гоже советнику самому миски таскать? — мгновенно сориентировался Гань Чуань. Он с готовностью перехватил посудину, согнал сидевших за единственным деревянным столом рабочих и поставил миску. — Прошу, господин советник, садитесь.

Уголки губ Лю Чжияна едва заметно дрогнули. Опустившись на табурет, он слегка постучал пальцами по шершавой столешнице:

— Ложку.

Саньгоу тут же выхватил из лотка ложку, усердно вытер её о край грязной майки и с подобострастием протянул:

— Советник, господин советник! Я Саньгоу!

Лю Чжиян кивнул и жестом предложил присутствующим присесть.

Несколько рабочих во главе с Гань Чуанем набрали жижи и нерешительно устроились напротив.

Лю Чжиян не спеша, с аристократической грацией зачерпывал отвар ложкой. Глядя на него, шахтёры смутились — пить прямо через край показалось им неловким, и они тоже потянулись за ложками.

Лишь Гань Чуань не стал манерничать: он обхватил миску двумя руками, запрокинул голову и в три глотка ополоснул желудок, оставив вокруг губ белёсый след.

Саньгоу ткнул его локтём в бок и прошептал:

— Брат Чуань, ну ты хоть при советнике держи фасон! Не позорься!

Гань Чуань отвесил ему звонкую затрещину:

— Мать твою, какой ещё фасон у копателя грязи?

Саньгоу моментально притих.

Гань Чуань повернулся к Лю Чжияну, расплывшись в улыбке:

— Ох, дорогой... э-э, советник! Спасибо вам огромное от всего сердца. Парней тут зажимали, три дня в шахту не пускали. А ведь у каждого дома семьи, деньги ждут. За эти три дня простоя мы ого-го сколько потеряли.

Лю Чжиян не торопясь лениво мешал ложкой жижу:

— Почему Тай Цинь перекрыл вам доступ к работе?

Не успел Гань Чуань подобрать слова, как Саньгоу воровато огляделся по сторонам и понизил голос:

— Господин советник, про это лучше вслух не заикаться. Тай Цинь — тварь мстительная. Проболтаешься — и тебе быстро... — Он выразительно провел ребром ладони по горлу.

Лю Чжиян сделал глоток и спокойно перевёл взгляд:

— Тебя зовут Саньгоу?

Тот послушно кивнул.

Лю Чжиян посмотрел прямо в глаза сидевшему напротив Гань Чуаню:

— А твоё имя?

— Лю Чуань, — ухмыльнулся Гань Чуань и дернул левой бровью.

Лю Чжиян лишь молча сжал губы.

— Недавно здесь? — Лю Чжиян опустил взор к миске. — Как успехи? Обжился?

Гань Чуань покрутил затекшей шеей:

— Да жить можно. Только спать приходится на голых камнях — бока ломит. Народу набито, храпят над ухом... А уж нормальную выгрузку... то бишь нужду справить — вообще целая проблема.

Саньгоу подмигнул ему с сальной ухмылкой:

— Брат Чуань, да ты, часом, не о той «выгрузке» печёшься?

Заметив, как Лю Чжиян смерил их холодным взглядом, Гань Чуань снова от души заехал подчинённому по затылку:

— Сука, ты выражаться по-человечески умеешь?!

— А чё я-то? — захныкал Саньгоу, потирая макушку. — Ты в бараке и не такое заворачиваешь!

— Так то в бараке, идиота кусок! А мы тут обедаем!

— Да ладно тебе, тут все мужики! К тому же ты сам только что орал, что рудокопам фасон не нужен...

Гань Чуань аж поперхнулся от такой наглости.

В разговор вмешался сидевший поодаль усатый мужчина постарше:

— Вы уж простите нас, господин советник. Мы люди неотёсанные, языками чесать не обучены. Я Сунба. Четвёртый год на этом руднике спину гну.

— Значит, вы отлично знаете, сколько породы здесь ещё осталось, — спросил Лю Чжиян.

Сунба ответил уклончиво:

— Жила обширная...

— Тай Цинь сильно вас зажимает?

— Да как сказать... Терпимо.

Лю Чжиян молча кивнул. Больше вопросов он задавать не стал.

Ещё в тот момент, когда он предложил шахтёрам сесть за один стол, Лю Чжиян понял главный расклад: рабочие ему не верят. Не сделай Гань Чуань первый шаг, никто из них и близко бы не подошёл.

И их можно понять. У Тай Циня за спиной головорезы с автоматами, а он — всего лишь генеральский сынок без войска, «генерал без армии».

— Советник тоже тут человек новый, верно? — Гань Чуань подпёр щеку кулаком и в упор уставился на Лю Чжияна. — Как вам наши края? Освоились?

От этого пристального, жгучего взгляда щекам стало жарко. Лю Чжиян сдержанно ответил:

— Вполне.

— Если господину советнику что-нибудь понадобится... только шепните. Выполню в лучшем виде, — оскалился Гань Чуань.

Фраза звучала буднично, но интонация, с которой она была произнесена, отдавала двусмысленным подтекстом.

Саньгоу вытаращил глаза, то и дело переводя взгляд с одного на другого.

— Вообще-то, одно поручение у меня действительно есть, — Лю Чжиян допил остатки

разваренного риса. — Сегодня вечером отправишься на дальний склон и скосишь всю сорную траву.

Опорожнив миску, он поднялся, поправил полы пиджака и ровным шагом направился к выходу.

Гань Чуань не отрывал взгляда от его тонкой, подтянутой талии.

— Будет сделано, начальство! — рявкнул он вослед.

Саньгоу с недоумением ткнул локтём приятеля, витавшего где-то в облаках:

— Брат Чуань, ты чё, совсем сдурел? Чему радуешься? Нам же сухой бурьян серпом махать!

— На лебедя зарится дурачина, вот и счастлив, — буркнул Сунба.

Ровно в полдень ворота карьера распахнулись. Шахтёры вереницей потянулись в котлован, вооружённые кайлами, кирками и молотами.

Надзиратели рассредоточились по периметру и нависающим уступам, сжимая в руках винтовки.

Лю Чжиян наблюдательным взором стоял на деревянных подмостках. Гань Чуань работал бок о бок с Сунба, вкалывая за двоих. Махи киркой давались ему с поразительной лёгкостью; выцветшая белая майка насквозь пропотела, облепив рельефный мускулистый торс.

Лю Чжиян едва заметно улыбнулся.

Гань Чуань обладал недюжинной физической силой и от природы высеченной фигурой, хотя никогда в жизни не истязал себя тренировками. Чистейший природный дар.

Лэй, стоявший за его спиной, уловил эту мимолётную тень на губах хозяина:

— Приказать, чтобы Гань Чуаня привели к вам сегодня ночью?

Лю Чжиян качнул головой:

— В хижине жучки и круглосуточное наблюдение. Лучше незаметно доставишь кое-что на задний склон. Смотри, чтобы без хвоста.

— Сделаю, — лаконично отрезал Лэй и пошёл вслед за ним.

Весь остаток дня Лю Чжиян въедливо разбирал архивные документы с момента основания карьера. Даже не имея доступа к теневой бухгалтерии, по косвенным цифрам он сумел вычислить примерный объём награбленного Тай Цзинем.

Лишь когда алые лучи заходящего солнца легли на полированную дубовую столешницу, он отложил ручку. Взглянув на испещрённые расчётами листы, Лю Чжиян иронично вздохнул. В полицейской академии высшая математика была его самым нелюбимым предметом — кто бы мог подумать, что именно жизнь заставит его стать бухгалтером.

Размяв затекшую спину в тишине кабинета, он застегнул пуговицы на манжетах, поправил воротник и вышел на свежий воздух.

У контрольно-пропускного пункта выстроилась длинная вереница шахтёров, ожидающих обязательного обыска.

Лю Чжиян сразу выхватил взглядом Гань Чуаня. Тот возвышался прямо за Сунба, а его майка от въевшейся пыли и грязи превратилась в серое рваньё.

А через несколько рядов позади мелькнуло ещё одно знакомое лицо — тот самый молчаливый рудокоп, что передал им тогда сапфир. Он стоял понутив голову, избегая чужих взглядов.

Правила здесь были жесткие: перед выходом каждый рабочий обязан был сбросить добытую за день породу в плетёный короб под прицелом двоих вооружённых надзирателей.

Затем очереди разделялись на мужскую и женскую, а люди направлялись к двум досмотровым будкам. Каждого выворачивали наизнанку, дабы ни один ценный камень не ушёл мимо кассы.

Очередь медленно продвигалась. Сунба шагнул под навес КПП, радуясь долгожданной тени, и с улыбкой обернулся к обливавшемуся потом Гань Чуаню.

Однако в следующее мгновение выражение лица Гань Чуаня резко изменилось.

Сунба почувствовал, как по загривку пробежал ледяной холодок, а у самого уха раздалось угрожающее змеиное шипение. Замрев от ужаса, он медленно повернул голову — прямо на его плече кольцами свёртывалась красногорлая гадюка.

Сверху, с вышки КПП, надменно глумился надзиратель, пряча в руках пустой мешок.

Сунба не успел даже закричать: Гань Чуань молниеносным броском цапнул гадину прямо за загривок и с силой рванул на себя.

Чешуйчатое тело отчаянно заизвивалось в его кулаке. Гань Чуань раскрутил рептилию над головой и швырнул обратно на вышку:

— Забирай свою тварь!

Бросивший змею надзиратель отпрыгнул назад и с испугу выставил перед собой стоящего рядом щуплого, бледнолицего надзирателя.

Змея шлёпнулась точно на грудь молодому парню.

Лицо бедолаги мгновенно налилось мертвенной бледностью. Он застыл истуканом.

Ядовитая тварь соскальзывала по его шее, подыскивая место для смертельного укуса.

Двое других надзирателей вскинули автоматы, но выстрелить не решались: гадюка была слишком мала, и пуля с гарантией пробила бы самого парня.

У несчастного мелкой дрожью колотилась челюсть. Он пытался что-то выкрикнуть, но из сдавленного горла вылетал лишь немой шепоток:

«Спасите... помогите...»

Змеиное тело ту же стянулось вокруг шеи. Гадюка развернулась, раззинула пасть с ядовитыми клыками и молниеносно метнулась к его артерии.

Грянул выстрел.

Парня подбросило. На щеку брызнуло чем-то горячим и липким — змеиной кровью.

Обезглавленная тушка гадюки бессильно соскользнула с его плеч.

Лю Чжиян стоял на платформе, сжимая пистолет. Из дула струился сизый дымок.

Убедившись, что угроза миновала, он легко выдохнул и убрал оружие обратно в кобуру.

Дрожащими руками сбросив мертвое тело рептилии, парень потерял равновесие и осел на настил:

— Спасибо... Огромное вам спасибо...

Чистейший китайский язык.

Лю Чжиян нахмурился. Шагнув вперед, он помог юноше подняться и тихо спросил по-китайски:

— Шэнь Цзяжуй?

Парень вытаращил глаза от изумления:

— Вы... откуда вы...

— Поднимайся, — перебил Лю Чжиян.

Теперь понятно, почему его имени не было в списках шахтёров — парень числился среди надсмотрщиков. Ван Синь упоминала, что семья Шэнь Цзяжуя весьма богата. Похоже, родители заплатили кругленькую сумму, чтобы уберечь сына от адского труда в забое.

Вот только здешние надзиратели — законченные отбросы и живодёры. Китайскому студенту среди них доставалось не меньше, чем обычным невольникам.

Шэнь Цзяжуй поднялся, его ноги подкашивались, а слезы крупными градинами капали на форменный зелёный жилет.

— На колени, сука!!

У подножия КПП раздался исполненный ярости окрик.

Лю Чжиян подошёл к краю вышки. На земле Сунба с поднятыми руками уже стоял на коленях.

Тай Цинь с размаху обрушил приклад автомата под колено Гань Чуаню, заставляя и его рухнуть в грязь.

Вот каков был замысел Тай Циня: спровоцировать бунт и свалить всё на Гань Чуаня и его людей.

Лю Чжиян подхватил с пола обезглавленную тушу гадюки и со всей силы швырнул прямо в Тай Циня.

Тот подпрыгнул как ужаленный и заверещал на весь карьер. Среди рабочих прошёл глухой смешок.

Сбросив со своего плеча змеиную тушку, Тай Цинь вскинул ствол на Лю Чжияна:

— Ты совсем страх потерял, щенок?! Жить надоело?!

Лю Чжиян спокойно отозвался сверху:

— Охранника я спас. Претензий к шахтерам нет, так что отпусти их.

— Мать твою, да с какого перепугу я должен их отпускать?! Они устроили саботаж!

Лю Чжиян сделал знак Лэю.

Тот граблями сгреб за шкуру виновного надзирателя и вытащил его на самый край помоста, перед лицом собравшейся толпы.

— Ты змею бросил? — спросил Лю Чжиян.

Лэй приподнял охранника за лодыжки над пропастью. Тот заверещал и закивал как заведённый:

— Я, я! Моя вина!

Затем Лю Чжиян подозвал Шэнь Цзяжуя:

— У тебя есть претензии к бросившему?

Вопрос содержал очевидный подтекст. Шэнь Цзяжуй быстро сообразил, что к чему, и замахал головой.

— Змею бросили не шахтёры, а пострадавший парень претензий к ним не имеет, — отчеканил Лю Чжиян, обращаясь к Тай Циню. — Какие ещё вопросы?

Тай Цинь заскрипел зубами. Этот столичный выскочка завернул всё так ловко и публично, что перевернуть факты уже не представлялось возможным.

Тай Цинь ткнул дулом винтовки в сторону Лю Чжияна:

— Ну бойся, тварь... Я тебя собственными руками придушу!

Вторая стычка с Тай Цинем — и снова победа за Лю Чжияном.

Шахтёры смотрели на стоящего в лучах заката мужчину в безупречном костюме совершенно иными глазами. В их взглядах угадывалось нечто большее, чем простое любопытство.

Когда последний рабочий покинул территорию, надзиратели собрали всю добытую за день руду и стащили плетёные коробки к ногам Тай Циня.

С высоты вышки Лю Чжиян отчётливо видел, что коробка прогибались под тяжестью породы. Однако когда он спустился для досмотра, в корзинах лежали лишь низкосортные, мутные булыжники нефрита.

Тай Цинь с наигранным бешенством швырнул булыжник обратно:

— Ну что, съел?! Вот всё, что они накопили! Этим даже дневную пайку не покрыть! Так что вали-ка ты обратно в свою столицу и не мешай людям зарабатывать на хлеб!

Актёрские способности Тай Циня не шли ни в какое сравнение с артистизмом Гань Чуаня. Лю Чжиян без единой эмоции на лице равнодушным жестом бросил камень в кучу и молча пошёл прочь.

<http://bllate.org/book/20071/1990839>